

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-64-72

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЛЕМИКИ ВОКРУГ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ М. Н. ПОКРОВСКОГО В 1930-е гг.

Тихомиров Н. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Выявить влияние идейно-политического фактора на формирование теоретико-методологических представлений отечественных историков в 1930-х гг. в связи с критикой исторической концепции М. Н. Покровского.

Процедура и методы исследования. Произведён анализ официальных документов, публикаций в периодической печати, монографий, отражающих процесс формирования идейных представлений о задачах исторической науки, а также о методах работы историков-марксистов в указанный период.

Результаты проведённого исследования. Исследованы подходы и способы формирования дискурсивной стратегии советского научного сообщества, её концептуальной и содержательной связи с официальной риторикой партийного и государственного руководства СССР.

Теоретическая / практическая значимость заключается в актуализации проблемы о месте и роли идейно-политической составляющей в деятельности историков 1930-х гг.

Ключевые слова: историческая концепция, М. Н. Покровский, исторический материализм, марксизм-ленинизм, идеология

IDEOLOGICAL AND POLITICAL ASPECT OF DEBATES AROUND M. N. POKROVSKY'S HISTORICAL CONCEPT IN THE 1930S

N. Tikhomirov

Moscow Region State University

24 ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Aim. To identify the influence of the ideological and political factor on the formation of theoretical concepts and practical methodological approaches by domestic Russian historians in the 1930s in the context of criticism of M. N. Pokrovsky's concept.

Procedure and research methods. The author reviewed official documents, state papers, publications in media, monographs describing the formation of ideas concerning the agenda of history as a research direction, as well as the methods of Marxist historians.

Results. Approaches and methods of forming the discursive strategy of the Soviet scientific community, as well as its conceptual connection with the official rhetoric to the USSR leaders were investigated.

Theoretical / practical relevance. The role of the ideological and political component in the activities of Soviet historians in the 1930s was actualised.

Keywords: historical concept, M. N. Pokrovsky, historical materialism, Marxism-Leninism, ideology

Обращение к проблеме становления советской исторической моноконцепции имеет актуальное значение в настоящее время. Актуальность данной проблематики определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, выстраивание моделей трактовки прошлого всегда и неизбежно сопряжено с вопросами идеологии. Даже в ситуации декларирования на высшем государственном уровне отказа от насаждения системы господствующих идей историк остаётся носителем комплекса ценностно-нравственных представлений, существенно определяющих его взгляды на цели и задачи государственного строительства, соотношение личностного и общественного и т. д.

Во-вторых, историческая концепция служит смысловой матрицей при организации воспитательного и образовательного процессов, имеет вес в качестве фактора социализации человека. Современные общности людей, существующие в формате политических наций, с необходимостью и закономерно обретают истоки коллективного сознания в структурах исторической памяти.

В-третьих, исследовательские выводы, полученные в ходе разработки указанной проблематики, способны улучшить научное понимание того, как развивается историческое знание сегодня, какие механизмы оказываются задействованными в процессе отражения прошлого современной историей.

Целью данной статьи является попытка выстроить методологическую схему, на основании которой может быть осуществлено обобщённое описание процесса ревизии исторической концепции в условиях сильного идейно-политического влияния.

Предметом изучения нами выбраны события, связанные с академической полемикой вокруг исторической концепции М. Н. Покровского: её критика представителями советского научного сообщества и утверждение на этой основе идейных и методологических обоснований новой концепции, отражающей господствующие представления политического класса в СССР 1930–1940-х гг.

В качестве источниковой базы нами использованы преимущественно научные публикации советских историков указанного периода, их выступления в массовой печати. Данный вид источника позволяет увидеть в развитии эволюцию взглядов представителей научного сообщества, соотнести их с официальной позицией партийно-государственного аппарата. Особый интерес представляют механизмы и средства дискурсивного воздействия, которые широко применяются авторами в полемической риторике.

1930-е гг. в истории советской исторической науки явились временем выбора пути. Вернее, временем решительной ревизии и пересмотра того пути, каким двигалась историческая наука прежде и

основательный демонтаж его концептуальных положений [1, с. 169].

Разворот на историческом поприще совпал по времени с обострением политической борьбы внутри партии большевиков [10, с. 191]. Разгром идейных противников И. В. Сталина, показательные судебные процессы и падение видных партийных и государственных руководителей, многие из которых принадлежали к числу ближайших соратников В. И. Ленина, – всё это потребовало от руководства обновлённой верхушки партийного аппарата усилий по оправданию, легитимации своего положения у власти [1, с. 20]. Своего рода апологией сталинского режима, окончательно сложившегося к середине 1930-х гг., стал «Краткий курс истории ВКП(б)»¹.

Отличительной чертой, присущей научному творчеству советских историков 1930-х – начала 1950-х гг., явилось идейное и методологическое равнение на положения, которые формулировались и озвучивались высшим политическим руководством страны, в частности – непосредственно И. В. Сталиным [2, с. 26–28]. В публикациях и выступлениях представителей отечественной исторической науки подчёркивалась руководящая роль генерального секретаря ЦК ВКП(б) и марксистско-ленинских воззрений [6, с. 168], проводником которых он объявлялся. В статье «Сталин и исторический фронт», вышедшей в 1940 г. в журнале «Историк марксист», утверждалось: «За последние годы, пожалуй, ни одна отрасль науки в СССР не получала столько руководящих указаний и директив, столько постоянной помощи и заботливого внимания со стороны партии и товарища Сталина, сколько их имела историческая наука»².

Фигура Сталина выступала своего рода замковым камнем всей парадиг-

мальной конструкции советской исторической науки, как она формировалась на протяжении 1930-х гг. И. В. Сталин на высшем официальном уровне был провозглашён как «лучший ученик Маркса, Энгельса и Ленина, продолжатель их работы», который «показал нам как во всех других областях, так и в области истории, как продолжить их работу»³. Приверженностью таким теоретическим установкам определялась профессиональная состоятельность исследователя.

Выступая на XVIII съезде ВКП(б), Сталин провозгласил задачу марксистско-ленинского воспитания кадров, состоящую в том, «чтобы помочь нашим кадрам всех отраслей работы овладеть марксистско-ленинской наукой о законах развития общества». При этом генеральный секретарь ЦК ВКП(б) отметил особую значимость, которую в свете поставленной задачи имел выход в свет «Краткого курса истории ВКП(б)», положивший начало «новому размаху марксистско-ленинской пропаганды в нашей стране»⁴.

Содержательная перестройка идеалов научно-исследовательской работы находилась в прямой зависимости от политических инициатив партийного руководства [4, с. 171–177]. В Постановлении ЦК ВКП(б) по докладу президиума Коммунистической академии от 15 марта 1931 г. объявлялось: «Этап завершения фундамента социалистической экономики требует перестройки всей научно-исследовательской работы, подчинения ее строгой плановости, создания многочисленных кадров научных работников-коммунистов, и в особенности, преодоления отмеченного т. Сталиным, отставания научной работы от практики социалистического строительства»⁵.

³ Преподавание истории в нашей школе // Правда. 1936. 27 января. С. 1.

⁴ Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 года // Сталин И.В. Сочинения: Т. 14. С. 239.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 816. Л. 21–23.

¹ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Правда, 1938.

² Панкратова А. Сталин и исторический фронт // Историк марксист. №1. 1940. С. 14.

Порядок формирования политического заказа в области истории был коротко изложен в передовице печатного органа ЦК ВКП(б) – газете «Правда» от 27 января 1936 г. Алгоритм выстраивания отношений между властью и сообществом историков раскрывался следующим образом: критика текущего состояния преподавания истории, формулирование заказа на новые учебники, формулировка требований к содержанию и характеру изложения материала, затребование от рабочих групп историков конспектов новых учебников и их критика, «точные указания историкам насчёт стоящих перед ними задач»¹. Профессиональному сообществу историков навязывалась определённая логика действий, соответствующая общему характеру централизованно-распорядительного руководства социально-культурными процессами в стране [3, с. 96–102].

Содержанием борьбы за перестройку исторического мышления стала выработка новой исторической концепции, или «советской моноконцепции отечественной истории» [2, с. 351]. Как отмечает А. Н. Фукс, её становление было тесно связано с творчеством М. Н. Покровского: «Оформление марксистской парадигмы российской истории, формирование формационного подхода шло через критику историографической деятельности историка» [8, с. 20]. Уже упомянутая статья в «Правде» определила и контекст борьбы, частью которого стали не ликвидированные в области истории СССР «вредные традиции школы Покровского»². Само представление о «школе Покровского» как явлении возникло следом за постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) 26 января 1936 г. «Об учебниках по истории», которым и было введено соответствующее понятие. Примечательно, что понятие «школа» в контексте самого постановления и последующих публичных высказы-

ваний приобрело заведомо осудительный оттенок. Эмоционально оно сближалось с такими отрицательно маркированными категориями того времени, как «фракция» или «уклон». В указанном документе речь шла о «так называемой исторической школе Покровского»³, раскрывалась ложная, в представлении авторов, сущность концепций, насаждавшихся её представителями.

В дальнейшем именно такая форма упоминания о Покровском и его единомышленниках стала широко применяться на страницах печатных изданий, сделавшись частью формально-научного дискурса, а следовательно, и частью образа мысли значительной части советских историков. Постановление от 26 января 1936 г. ввело в оборот целый комплекс определений и характеристик, превратившихся в дальнейшем в риторические клише, которыми пользовались представители научного сообщества в развернувшейся полемике вокруг исторических воззрений М. Н. Покровского и его последователей.

Дискуссия о новой исторической концепции была вынесена из поля сугубо научного дискурса в поле дискурса политического. Доводы оппонентов М. Н. Покровского приобрели политико-демагогическое измерение. Высказываемая ими аргументация оказалась фундирована системой идейного официоза. Историки, выступившие единым фронтом против исторической концепции Покровского и его сторонников, приняли правила публичной риторики, которые диктовала политическая логика момента. Интенсивное использование пропагандистских клише и опора на догматические установки, насаждаемые партийным аппаратом, придавали научной полемике вид подлинно фронтовой борьбы, как это индустриально подчёркивали в своих заявлениях сами участники.

¹ Преподавание истории в нашей школе // Правда. 1936. 27 января. С. 1.

² Там же.

³ Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) 26 января 1936 г. «Об учебниках по истории» // Правда. 1936. 27 янв.

Такое обстоятельство говорит об изменении парадигмы работы историка и, что важно, об изменении понимания им характера и нацеленности своего труда. Согласно положениям, декларируемым со страниц научной периодики 1930-х гг., историческая наука в СССР «не могла стоять в стороне от широкого фронта классовой борьбы, какую вёл пролетариат за построение социализма в нашей стране»¹.

Критериями научной истинности утверждалось соответствие изложения ключевым положениям марксистско-ленинского учения. «ЦК партии потребовал отказа от затасканных, неточных определений, заимствованных у буржуазных историков, в первую очередь либеральных, применения во всех учебниках точных, определённых научных понятий марксизма-ленинизма, без которых нельзя дать ученикам действительной картины развития человечества»².

Примечательно, что критические замечания, высказываемые в сторону Покровского его оппонентами после 1936 г., нередко содержат рядом стоящие обвинения в неисторичности и антимарксизме³. И. Гохберг назвал концепцию Покровского «антиленинской»⁴.

В первом издании Большой Советской Энциклопедии С. И. Ковалёв попытался представить концепцию Покровского как в целом ошибочную, но всё же не враждебную. В статье взгляды историка подвергаются умеренной критике, которая тем не менее призвана не оставить у читателя сомнения в глубокой чуждости исторических представлений Покровского коренным положениям со-

ветской исторической моноконцепции. «Признавая отдельные ошибки, Покровский, однако, до конца жизни не понял антимарксистского характера своей методологической концепции и своей схемы русского исторического процесса»⁵.

Впрочем, если к самому Покровскому авторы и редакторы БСЭ показали довольно сдержанное отношение, то в характеристиках членов «так называемой “школы”» уже не считали нужным выдерживать терпеливый тон: «Многие представители этой “школы”, ныне разоблаченные троцкистско-бухаринские бандиты, прикрываясь антимарксистскими, антиленинскими взглядами и концепциями П., разваливали исторический фронт, протаскивал и свою буржуазную идеологию и всяческие контрреволюционные “теории”»⁶.

Взгляды Покровского получили разнообразные характеристики в научной публицистике, начиная от сдержанных до непримиримо воинственных. Так, если Б. Д. Греков осторожно определил подход оппонента как немарксистский (что, впрочем, в контексте насаждавшейся идеологической модели уже было равносильно обвинению в научной несостоятельности)⁷, то А. М. Панкратова без обиняков заклеила его как ликвидаторский⁸.

Надо отметить, что такая формулировка не была изобретением самой Анны Михайловны⁹. Следуя в русле принятых идейных установок, историк воспроизводила риторические образцы, принятые академическим дискурсом от дискурса политического. В чём можно видеть специфическую черту процесса

¹ Панкратова А. Борьба за победу социализма и историческая наука в СССР // Борьба классов. 1934. №2. С. 8.

² Преподавание истории в нашей школе // Правда. 1936. 27 января. С. 1.

³ Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. Сборник статей. Часть вторая. М., Л.: Издательство АН СССР, 1940. С. 5.

⁴ Гохберг И. Об антиленинской концепции М. Н. Покровского по вопросу о декабристах // Исторический журнал. 1939. № 6. С. 22.

⁵ Большая советская энциклопедия. Т. 45. М.: ОГИЗ РСФСР, 1940. С. 868

⁶ Там же.

⁷ Против исторической концепции М. Н. Покровского. Сборник статей. Часть первая. М., Л.: Издательство АН СССР, 1939. С. 71.

⁸ Панкратова А. Борьба за победу социализма и историческая наука в СССР // Борьба классов. 1934. №2. С. 5.

⁹ В Совнарком Союзе ССР и ЦК ВКП(б) // Правда. 1936. 27 января. С. 2.

складывания новой исторической концепции: он предполагал встраивание идейно-политических посылов в ткань исторического нарратива с последующим его переформатированием. Широкое использование клишированных инвектив есть не что иное, как производная процесса структурного замещения внутри несущей конструкции системы исторических представлений.

Особую значимость для исторической науки СССР имел академический двухтомник, подготовленный Институтом истории АН СССР и вышедший в свет в 1939–1940 гг. В нём концепция школы Покровского подверглась последовательной и систематической критике с позиций исторического материализма, в строгом соответствии с идейными установками марксизма-ленинизма. Среди авторов, взявших на себя ответственность быть ниспровергателями «буржуазных теорий», выступили Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин, А. М. Панкратова, М. В. Нечкина и др. Оба тома, выпущенные как сборники статей, носили красноречивые и показательные названия: «Против исторической концепции М. Н. Покровского» и «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского».

То, что участники данного издания объявляли марксизм-ленинизм руководящей теорией для исторической науки, ложилось в канву оформившейся к тому моменту методологии. Схожим образом декларировали свои взгляды авторы иных изданий, выходивших в соответствующий временной период¹. В данном случае более примечательно то, как строилась критика оппонентов. Отправным принципом стала бинарная оппозиция «марксистский-немарксистский», в рамках которой второй компонент содержательно отождествлялся с категорией «ненаучный». Фундаментальная значимость этой оппозиции состояла также и

в том, что она замыкала на себя целую матрицу смыслов. Эти смыслы, как некая координатная сетка, позволяли чётко позиционировать конкретные взгляды и их носителя в системе советского культурного кода. Категория «немарксистский» имплицитно включала в себя категории: чуждый, ложный, враждебный и т. п. Не случайно представители «школы» выводились авторами названного сборника как «разоблачённые троцкистско-бухаринские наймиты фашизма»², которые «разваливали исторический фронт, ведя вредительскую и контрреволюционную работу в научных учреждениях»³.

Примечательно, что до разворачивания широкого наступления на историческую концепцию Покровского к его имени прибегали как к авторитету в суждениях о состоянии и характере отечественной науки. В 1934 г. в развёрнутой статье, помещённой в журнале «Борьба классов» та же Панкратова отсылается к Покровскому, подкрепляя его цитатой собственные тезисы о противоборстве социалистической и буржуазной наук⁴. Более того, автор ставит предшественнику в заслугу то, что он, как большевистский историк, сделал ленинизм «своим исходным методологическим оружием в борьбе с враждебной марксизму историей»⁵.

Смена комплементарного отношения к научному творчеству Покровского на непримиримо-воинственное отношение содержательно и логически связано с основательной идеологизацией исторической науки в СССР, как и советской науки в целом [7, с. 260]. Во втором томе сборника «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского» Ем. Ярославский выступил со статьёй, в которой изобличал идеи «так называемой “шко-

¹ Панкратова А. Борьба за победу социализма и историческая наука в СССР // Борьба классов. 1934. № 2. С. 8.

² Против исторической концепции М. Н. Покровского. Сборник статей. Часть первая. М., Л.: Издательство АН СССР, 1939. С. 3.

³ Там же.

⁴ Панкратова А. Борьба за победу социализма и историческая наука в СССР // Борьба классов. 1934. № 2. С. 7.

⁵ Там же. С. 9.

лы» как «антимарксистские извращения и вульгаризаторство»¹. А подводя итог своему пространному обзору, автор заключал, что без «полного разгрома “школы” Покровского нельзя развернуть подлинную марксистско-ленинскую историческую науку»².

Употреблённое здесь понятие «разгром» органично вписывается в систему революционной фразеологии, в которой широко применялись такие понятия, как: «фронт», «враг», «борьба». Проекция этого категориального аппарата на дискурс исторического сообщества превращала его отчасти в логическую производную официальной догматической риторики.

Критика учёных-последователей М. Н. Покровского проистекала не только из собственно научных потребностей. Порой назвать рассматриваемую ситуацию полноценной дискуссией невозможно, это не позволяет сделать степень ритуальности, с какой коллеги-историки изобличали своих оппонентов, выступая трансляторами готовых идейно-риторических формул. Вместе с тем такая деятельность отнюдь не должна рассматриваться как пустая условность. Её важное функциональное значение состояло в обеспечении интеллектуальных предпосылок для формирования и принятия новой исторической концепции в советской науке.

Можно констатировать, что таковая вполне сложилась к исходу 1930-х гг., о чём свидетельствует и выход школьного учебника А. В. Шестакова³, и статьи, авторы которых подвергли фундаментальной ревизии предшествующую систему исторических воззрений [2, с. 351–422]. Названные труды оформили и закрепили комплекс концептуальных представлений, предопределивших мышление научного сообщества по меньшей мере на

два десятилетия вперёд. В конце сороковых годов редактор отдела науки газеты «Правда» А. К. Азизян выступил в печати с конспектом лекции «Сокровищница всепобеждающих идей марксизма-ленинизма». В ней он повторил обвинения школы Покровского в «фальсификации и приукрашивании действительной истории»⁴. Также была воспроизведена полемическая модель, использованная авторами сборника 1938 г.: нищета взглядов Покровского и его единомышленников подчёркивалась нарочитым возвеличиванием теоретической значимости «Краткой истории ВКП(б)». Марксизм-ленинизм в этой книге, по словам Азизяна, «получает новый творческий размах», «возрастает его живительная революционная сила, помогающая трудящимся нашей страны и эксплуатируемым массам капиталистических стран лучше осознать прошлое»⁵.

Партийная верхушка постепенно закрепила за собой статус инстанции, уполномоченной выносить суждения по вопросам содержательного и методологического порядка там, где дело касалось исторической правды и достоверности её передачи [5, с. 560]. К примеру, в Постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) о кинофильме «Большая жизнь» от 4 сентября 1946 г. представлено немало суждений, посвящённых оценкам и трактовкам исторической действительности советскими режиссёрами. Так, С. Эйзенштейн, по мнению ЦК, «обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представив прогрессивное войско опричников Ивана Грозного в виде шайки дегенератов»⁶. Политическое руковод-

¹ Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. Сборник статей. Часть вторая. - М., Л.: Издательство АН СССР, 1940. С. 5.

² Там же. С. 24.

³ Краткий курс истории СССР. Учебник для 3-го и 4-го классов / Под ред. А.В. Шестакова. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1937.

⁴ Азизян А. К. Сокровищница всепобеждающих идей марксизма-ленинизма (К десятилетию выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)»). Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве. М.: 1948. С. 12

⁵ Там же.

⁶ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП (б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. А. Н. Яковлева. Сост. А. Н. Артизов, О. В. Наумов. М.: МФД, 1999. С. 601.

ство страны не только инициировало переформатирование исторической концепции, но стало двигателем и регулятором данного процесса.

Изучение полемики вокруг исторической концепции Покровского позволяет выявить механизмы ревизии и вытеснения соответствующих научных воззрений и их замены принципиально иными, отвечающими положениям исторического материализма в изводе советской партийно-правительственной идеологии. Особое место в данном процессе занимали приёмы дискурсивного воздействия, обеспечивавшие трансляцию официальных формулировок с высшего политического уровня на уровень внутренней полемики профессионального сообщества историков.

Таким образом, становление советской моноконцепции отечественной истории происходило в особых условиях, отмеченных существенным влиянием партийно-идеологической риторики на внутриакадемическую дискуссию [9, с. 357]. Выступления в печати представителей исторической науки носили двойственный характер. С одной стороны, существовала большая необходимость обоснования теоретико-методологиче-

ских положений исторического материализма и реализации догматических установок, полученных в директивном порядке от руководящих органов государства в форме постановлений и официозных замечаний в печати. С другой стороны, советская историческая наука стремилась сохранить преемственность богатой традиции академической деятельности, которую она унаследовала от предшествующих поколений исследователей. Поэтому полемика вокруг положений концепции М. Н. Покровского выстраивалась зачастую согласно правилам и требованиям академического дискурса. Как следствие, выраженная политическая ангажированность ряда авторов рассматриваемого периода не привела к отвержению или извращению опорных принципов работы историка, но сообщила им дополнительную характеристику, в значительной мере определившую методологическое своеобразие отечественной исторической науки 1930-х гг. и наложила отпечаток на последующие тенденции развития советской историографии, складывание историографических ситуаций в советскую эпоху.

Статья поступила в редакцию 10.06.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровский А. М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 622 с.
2. Зеленев М. В. Сталин и историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы. СПб.: Наука, 2006. 496 с.
3. Кислицын С. А. Научная элита в системе политической власти / 3-е изд. М.: URSS, 2013. 288 с.
4. Котеленец Е. А. Битва за Ленина: новейшие исследования и дискуссии. М.: АИРО-XXI, 2017. 256 с.
5. Рейман М. Рождение державы: история Советского Союза с 1917 по 1945 год. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 839 с.
6. Сидорова Л. А. Советская историческая наука в лицах: академик М. В. Нечкина // Российская история. 2014. № 6. С. 158–169.
7. Тихонов В. В. Московская историческая школа в первой половине XX века: научное творчество Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева и С. В. Бахрушина. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. 320 с.
8. Фукс А. Н. «Русская история в самом сжатом очерке» М. Н. Покровского как историографический источник // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2010. № 3. С. 13–21.
9. Фукс А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – вторая половина 1930-х гг.). М.: МГОУ, 2010. 488 с.
10. Хлевнюк О. В. Жизнь одного вождя. М.: АСТ, 2015. 464 с.

REFERENCES

1. Dubrovskii A. *Vlast' i istoricheskaya mysl' v SSSR (1930–1950-e gg.)* [Power and historical thought in the USSR (1930–1950th)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2017. 622 p.
2. Zelenov M. *Stalin i istoricheskaya ideologiya v SSSR v 1920–1950-e gody* [Stalin and historical ideology in the USSR in 1920–1950^s]. St.-Petersburg, Nauka Publ., 2006. 496 p.
3. Kislytsyn S. *Nauchnaya elita v sisteme politicheskoi vlasti* [Scientific elite in the system of political power]. Moscow, URSS Publ., 2013. 288 p.
4. Kotelenets E. *Bitva za Lenina: noveishie issledovaniya i diskussii* [The battle for Lenin: the latest research and discussions]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2017. 256 p.
5. Reiman M. *Rozhdenie derzhavy: istoriya Sovetskogo Soyuza s 1917 po 1945 god* [Birth power: the history of the Soviet Union from 1917 to 1945]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2015. 839 p.
6. Sidorova L. [Soviet historical science, in the persons: academician M. V. Nechkina]. In: *Rossiiskaya istoriya* [Russian history J.], 2014, no. 6, pp. 158–169.
7. Tikhonov V. *Moskovskaya istoricheskaya shkola v pervoi polovine XX veka: nauchnoe tvorchestvo Yu. Got'e, S. Veselovskogo, A. Yakovleva i S. Bakhrushina* [The Moscow historical school in first half of the twentieth century: scientific creativity of V. Gauthier, S. B. Veselovsky, I. A. Yakovlev and S. V. Bakhrushin]. Moscow; St.-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2012. 320 p.
8. Fuks A. ["Russian history in the most concise essay" M. Pokrovskogo as a historiographical source]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences], 2010, no. 3, pp. 13–21.
9. Fuks A. *Shkol'nye uchebniki po otechestvennoi istorii kak istoriograficheskii fenomen (konets XVII v. – vtoraya polovina 1930-kh gg.)* [School textbooks on national history as a historiographical phenomenon (end of the XVII century – the second half of the 1930s)]. Moscow, MGOU Publ., 2010. 488 p.
10. Khlevnyuk O. *Zhizn' odnogo vozhdya* [The life of the leader]. Moscow, ACT Publ., 2015. 464 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тихомиров Никита Вадимович – аспирант кафедры методики преподавания истории, политологии и права Московского государственного областного университета; старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук Московской государственной академии ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА имени К. И. Скрябина;
e-mail: tihomirov_n@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita V. Tikhomirov – PhD Student, Department of the Methods of Teaching History, Political Science and Law, Moscow Region State University; Senior Lecturer, Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Moscow State Skryabin Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology – MBA;
e-mail: tihomirov_n@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тихомиров Н. В. Идеино-политический аспект полемики вокруг исторической концепции М. Н. Покровского в 1930-е гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 64–72.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-64-72

FOR CITATION

Tikhomirov N. Ideological and -political aspect of polyemic around controversy surrounding the historical concept of M. N. Pokrovsky in the 1930s. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 64–72.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-64-72